

Міністерство освіти і науки України
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків
Одеський археологічний музей
Національної академії наук України
Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я
Інституту археології Національної академії наук України
Державний архів Одеської області
Грецький фонд культури (Одеса)

СТАРОДАВНЄ ПРИЧОРНОМОР'Я

Випуск XI

Одеса
ОНУ
2016

УДК 9(4-11)"632/1789"
ББК 63.3(4,5)2/5
С773

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова.
Протокол № 5 від 17 лютого 2016 р.

Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI / Голов. ред. І. В. Немченко. –
Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
2016. – 610 с.

Збірка «Стародавнє Причорномор'я» складена на основі матеріалів XI читань пам'яті професора П. Й. Каришківського, міжнародної конференції, яка відбулась в ОНУ імені І. І. Мечникова 11–13 березня 2016 р. Випуск містить статті з проблем нумізматики, історії та археології Північного Причорномор'я, античної та середньовічної історії, візантинознавства, історії Європи раннього модерного часу, історіографії тощо. I–X випуски збірки виходили під назвою «Древнее Причерноморье».

Рецензенти:

Бруяко І. В. – д.і.н., директор Одеського археологічного музею НАНУ;
Довгополова О. А. – д.ф.н., професор кафедри філософії природничих факультетів ОНУ імені І. І. Мечникова.

Редакційна колегія:

Немченко І. В. – к.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, головний редактор;
Дьомін О. Б. – д.і.н., зав. кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова;
Дзиговський О. М. – д.і.н., професор кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Кушнір В. Г. – д.і.н., декан історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова;
Луговий О. М. – к.і.н., доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, зам. головного редактора;
Булатович С. А. – к.і.н., доцент;
Охотніков С. Б. – к.і.н., зам. директора Одеського археологічного музею НАНУ;
Руссов М. Д. – доктор хабілітат історії, професор Вищої антропологічної школи (Кишинів, Молдова);
Самойлова Т. Л. – к.і.н., зав. Відділом археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології НАНУ;
Сминтина О. В. – д.і.н., зав. кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Сорочан С. Б. – д.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ISBN 978-617-689-159-8

© Колектив авторів, 2016

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016

¹ Джаксон Т.Н. Путь саги // Восточная Европа в древности и средневековье. XX Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 2008. – С. 56–62.

² Тексты см. в: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. – М., 2012. – Гл. 8 «Сага о Харальде Сигурдарсоне».

³ Íslenzk fornrit. – Reykjavík, 1951. – В. XXVIII. – Bls. 439.

⁴ Лященко А.И. Былина о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде // Sertum bibliologicum в честь президента русского библиологического общества проф. А.И. Малеина. – Пг., 1922. – С. 126, прим. 4.

⁵ Fornmanna sögur eptir gömlum handritum. – Kaupmannahöfn, 1837. – В. XII. – S. 279.

⁶ Stender-Petersen A. La tradition hellespontique chez Saxo // Stender-Petersen A. Varangica. – Aarhus, 1953. – P. 214.

⁷ Подробнее см. в: Джаксон Т.Н., Подосинов А.В. Топонимия на перекрестке культур: древнескандинавское название Азовского моря и устная традиция // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 г. – М., 2013. – С. 165–191.

⁸ Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках / Пер. А.В. Назаренко. – М., 1997. – С. 61.

А. Н. Дзиговский (Одесса)

ЦАРСТВО ФАРЗОЯ: ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Немногим более полувека назад увидела свет статья П.О. Карышковского «З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї (про монети царів Фарзоя та Іннсімея, карбовані в Ольвії)», где автором был изложен целый ряд остроумных замечаний, касающихся характеристики данных монет, времени и исторических обстоятельств их чеканки, этнической принадлежности царей Фарзоя и Инисмея¹. Несмотря на пересмотр исследователем несколько позднее своей же первоначальной хронологии эмиссий указанных монет², его выводы о том, что сарматские басилевсы Фарзой и Инисмей чеканили в Ольвии, соответственно, свою золотую и серебряную монеты, начиная с середины 50-х и заканчивая самым началом 80-х гг. I в. н.э. стали, практически, общепринятыми. Последнее в полной мере касается и выводов П.О. Карышковского относительно границ «царства» Фарзоя, определявшихся автором к западу и северо-западу от Ольвии³, которые впоследствии были приняты и даже несколько конкретизированы М.Б. Щукиным⁴ и Ю.Г. Виноградовым⁵.

По состоянию на сегодняшний день, накоплено вполне достаточно новых археологических материалов, позволяющих еще более конкретно говорить о границах подвластных Фарзою земель, в особенности когда речь заходит о юго-западных пределах последних. Среди артефактов, имеющих прямое отношение к занимающей нас проблеме, прежде всего, следует отметить находку у п. Тараклия (Молдова) антропоморфной стелы с изображением тамги схемы Фарзоя и материалы казаклийского погребального комплекса (к. 10, п. 1). Стела была установлена в древности на вершине самого высокого кургана (№10), входившего в состав курганной группы Тараклия II⁶, а казаклийский комплекс представлял собою основное сарматское (аланское) погребение, датирующееся 60–70-ми гг. I в. н. э.⁷ При этом, крайне важно подчеркнуть, что оба кургана входили в состав единой группы разновременных курганов, расположенных на плато левого берега р. Ялуг*. Состав инвентаря сарматского погребения у с. Казаклия хотя и определяет более широкую его датировку (середина – вторая половина I в. н. э.)⁸, тем не менее «нижняя» дата комплекса, хронологически, вполне сопоставима со временем правления этого сарматского царя⁹. Последнее обстоятельство, равно как и сам факт расположения упомянутых выше курганов в составе единой курганной группы, позволяют предполагать возможность прямой событийной связи между церемонией совершения указанного сарматского захоронения с процедурой установки, в древности, стелы с изображением тамги схемы Фарзоя на вершине самого высокого кургана в округе, когда данная стела могла быть своеобразным «репером», маркирующим границы владений Фарзоя на юго-западе его «царства», куда, вероятно, входила и какая-то часть Буджака¹⁰. Причем, интересно отметить, что весьма подобное изображение тамги схемы Фарзоя имеется еще на одной каменной стеле, обнаруженной, однако, совершенно в противоположном направлении¹¹, которая, возможно, «маркировала» северо-западные пределы его владений¹².

Предположение о вхождении какой-то части Буджака в состав подвластных Фарзою территорий находит свое подтверждение среди нумизматических материалов, полученных в результате исследования античной Тиры. Так, здесь за период археологических работ с 1998 по 2005 гг. было выявлено более десятка ольвийских медных монет с изображением Зевса и орла, которые в ходе раскопок на памятнике в последнее время встречаются регулярно. Причем, наличие среди них экземпляров с клеймом в виде кадуцея, а также с изображением кадуцея, врезанным в основной штампель, позволяют утверждать, что в

* Искренне признателен С.М. Агульникову за предоставленную информацию.

Тире представлены практически все выпуски этой группы ольвийской городской меди, начиная со второй и заканчивая последней, восьмой эмиссиями¹³. Как известно, монеты второй и третьей эмиссий этой группы ольвийской меди синхронны первой эмиссии золота Фарзоя (статеры без дат); четвертой, пятой, шестой эмиссий – также первой эмиссии золота Фарзоя (статеры с датами); седьмой эмиссии – второй эмиссии золота Фарзоя (тяжелые ауреусы) и, наконец, последней, восьмой эмиссии – третьей эмиссии золота Фарзоя (легкие ауреусы), что по времени соответствует периоду, начиная с середины 50-х и заканчивая самым концом 60-х годов I в. н.э.¹⁴, либо 55-56 – 69-70 гг. н.э.¹⁵ Однако факт затертости большинства монет данной группы ольвийской меди, найденной в Тире, может поставить под сомнение правомерность их такой жесткой хронологической привязки к эмиссиям золота Фарзоя при определении времени обращения этой меди в данном античном городе. С другой стороны, не следует также и забывать, что в частных коллекциях хранятся, по меньшей мере, две золотые монеты Фарзоя, происходящие из Тиры и представляющие собой, согласно классификации П.О.Карышковского, легкие ауреусы третьей эмиссии, которые чеканились в Ольвии вскоре после 64 г. н.э. и вплоть до начала правления Веспасиана¹⁶. В таком случае, эта жесткая связь вполне обоснована применительно и к Тире, хотя бы при определении времени обращения здесь упомянутых ауреусов третьей эмиссии, которые, опять таки, синхронны ольвийским медным монетам группы Зевса последней, восьмой эмиссии, находки которых в свою очередь как уже отмечалось, известны среди нумизматических материалов, обнаруженных в этом полисе. Кроме того, необходимо помнить и о том, что по всей вероятности из Бессарабии происходит золотая монета Фарзоя, датирующаяся 7 г. ольвийской эры, представляющая собой статер аттической системы первой эмиссии, а «в реке Прут» была найдена еще одна, представляющая собой тяжелый ауреус второй эмиссии¹⁷, которые могли попасть в указанные районы именно из Тиры. И тогда, если данное предположение допустимо, а находки в Тире золота Фарзоя третьей эмиссии делают его вполне таковым, первая из них, т.е. статер первой эмиссии с датой, мог в хронологическом плане соответствовать ольвийским медным монетам группы Зевса пятой эмиссии, тогда как вторая (тяжелый ауреус) – седьмой, которые также известны среди тирасских нумизматических материалов.

Находки в Тире ольвийской меди группы Зевса второй – восьмой эмиссий и золотых монет Фарзоя третьей эмиссии позволяют, в полной мере, поставить вопрос о характере взаимоотношений этого

сарматского царя и Тиры во второй половине 50-х – 60-е гг. I в. н.э. Данная проблема не нова и уже поднималась исследователями. Предполагается, что Фарзой был «римским клиентным правителем», который по подсказке и с согласия Рима был связан союзом – симмахией с греческими городами Северо-Западного Причерноморья, в нашем случае, с Ольвией и Тирой¹⁸. В то же время, также не лишена оснований и совершенно противоположная точка зрения на характер взаимоотношений Фарзоя и Ольвии с одной стороны, и Рима – с другой, в частности, предположение о возможности существования в середине – второй половине I в. н.э. антиримского союза Ольвии и объединения Фарзоя¹⁹.

В свое время, мною было высказано предположение о возможности прямой событийной связи между переходом Фарзоя, в 60–61 гг., на чеканку своего золота по римским весовым нормам, «волнениями сарматов и войной», имевших место в 62 г., о которых упоминается в ольвийском декрете, найденном под Мангупом в Крыму и подавлением наместником провинции Мёзия Тиберием Плавтием Сильваном в том же 62 г. этих «волнений»²⁰. Тогда же был поставлен и вопрос не являются ли данные события следствием какого-то явления чрезвычайного порядка, знаменовавшего собою прямой вызов или непосредственную угрозу самому Риму и, в свою очередь, в качестве ответа на него был предложен тезис, что такой угрозой могло быть появление в Северо-Западном Причерноморье новой сарматской (аланской) орды, царь которой и чеканил в Ольвии свою золотую монету²¹. Представляется, что теперь, в этот ряд взаимосвязанных между собой событий, вполне правомерно будет включить и церемонию совершения аланского погребения у с. Казаклия, и процедуру установки на вершине кургана у п. Тараклия каменной стелы с изображением тамги схемы Фарзоя как событий, практически совпадающих по времени с вышеуказанными. Более того, крайне важно отметить, что и казаклийский комплекс, и курган, где была установлена стела с изображением тамги схемы Фарзоя, которые, вероятнее всего, «маркировали» собою юго-западную границу его «царства», располагались достаточно близко (менее 80 км к северу) от низовий Дуная, в частности, от современного с. Орловка (Картал), в районе которого в древности находились наиболее удобная в нижней части Дуная переправа и напротив, на противоположном правом берегу реки – римский Новиодунум. Как известно, в 46 г.н.э. Фракия была превращена в римскую провинцию, в результате чего Добруджа вошла в состав ранее образованной провинции Мёзия²². Таким образом юго-западные пределы подвластных Фарзою земель расширились в этом

направлении практически до левого берега Дуная и едва ли не «стыковались» с северо-восточной границей провинции Мёзия, то есть частью границы самой Империи, проходившей здесь по правобережью Нижнего Дуная, что никак не могло не встревожить Рим. И тогда становится вполне очевидным, по какой причине Плавтий Сильван после своего вступления в должность мезийского наместника в качестве первого своего мероприятия по охране северной и северо-восточной границ вверенной ему провинции в 60 или 61 г. провел акцию по переселению в пределы данной провинции более чем 100 тысяч задунайских варваров²³, вероятнее всего даков²⁴, у которых с ордой Фарзоя после ее появления в Северо-Западном Причерноморье возможно, сложились вассальные отношения²⁵. Эта акция была отнюдь не мирной, о чем свидетельствует гибель в огне пожаров в это время ряда гето-дакийских поселений Мунтении, юга Запрутской Молдовы и даже Бессарабии²⁶.

Вторым по порядку, в списке деяний Плавтия Сильвана в должности легата Мёзии, о которых повествует его эпитафия, значится подавление им в 62 г. «начинающегося движения сарматов»²⁷, и под этим подавлением необходимо понимать активные военные действия мезийского наместника именно против сарматов орды Фарзоя²⁸. Данные действия, как представляется, носили приоритетный характер, хотя и имели место, очевидно, в ходе комбинированной (сухопутно-морской) «херсонесской экспедиции» Плавтия Сильвана²⁹. В назидание другим варварам и в качестве показательной акции именно на правый, римский берег Дуная³⁰ Плавтий Сильван и должен был привести «неизвестных раньше или враждебных народу римскому царей...., чтобы они почтили римские значки»³¹, среди которых, возможно, был и сам Фарзой³².

Возвращаясь к вопросу о характере взаимоотношений Фарзоя и Тиры следует заметить, что, вероятнее всего, они мало чем отличались от тех протекторатных отношений, которые сложились у этого сарматского вождя с Ольвией, когда в обмен на номинальное ему подчинение, признание его «басилевсом» и выпуск его царских монет, город оставлял за собой право сохранить «традиционные органы полисного государственного аппарата»³³. Наличие среди тирасских нумизматических материалов ольвийских медных монет группы Зевса второй, третьей, четвертой и пятой эмиссий, приходящихся на 55-56, 56-57, 57-58 и 58-59 гг., соответственно, а также наличие среди находок золотых монет Фарзоя статера первой эмиссии, датирующегося 7 г. ольвийской эры, отчеканенного в 58-59 гг.³⁴, который, возможно, происходит из Тиры, позволяют, достаточно осторожно, предположить,

что где-то между 55-56 и 58-59 гг. Фарзой мог подчинить своим интересам и Тиру.

В отмеченный промежуток времени, хронологически «вписывается» и факт принятия этим городом особой эры, начало которой приходится на 56 или 57 гг.³⁵ Введение в греческих городах в период Империи собственных эр как правило являлось указанием на изменения их политико-административного статуса³⁶. Поэтому данное весьма немаловажное событие в истории Тиры, как правило, связывалось с деятельностью Плавтия Сильвана, в период мезийского наместничества которого город, если даже и не вошел в состав провинции Мёзия, то, по меньшей мере, находился в зависимости от Империи³⁷. Однако следует заметить, что дата мезийского наместничества Плавтия Сильвана, определяемая 56-66 либо 57-67 гг.³⁸, весьма спорна. Так, к примеру, Ю.Г. Виноградов придерживался точки зрения о том, что назначение Плавтия Сильвана на должность легата Мёзии состоялось в 60 г.³⁹, а М.Б. Щукин, в качестве даты мезийского наместничества Плавтия Сильвана, определял период 60–69 гг.⁴⁰ Необходимо добавить, что и сам П.О. Карышковский, который, определял данное событие 57–67 гг., судя по всему, также полностью не был уверен в своей правоте, поскольку в одних своих исследованиях он определял эту дату 60–67 гг., а в других, определяя ее все же 57–67 гг., отмечал при этом, что нельзя исключать в качестве даты вступления Плавтия Сильвана в должность наместника Мёзии и 60 г.⁴¹ Следовательно, главный аргумент сторонников прямой событийной связи между введением в Тире особой эры и деятельностью Плавтия Сильвана в должности легата Мёзии, как теперь представляется, становится менее основательным, в равной степени, как и становится очевидным явное несоответствие дат начала местной тирасской эры и вступления в должность мезийского наместника Плавтия Сильвана, которые разделены между собою, как минимум, тремя годами.

Безусловно, крайне заманчиво было бы связать введение в Тире особого летоисчисления с установлением протектората Фарзой над этим городом, на основании предположения о том, что ольвийская эра, возможно, была эрой Фарзой⁴². Но тогда, действительно, становится совершенно непонятно, почему эта особая тирасская эра продолжала применяться в официальных документах и в те времена, когда город уже «несомненно входил в состав провинции Мёзия»⁴³. Впрочем, существует, заслуживающая очевидного внимания, точка зрения и о том, что Тире могли быть дарованы Римом какие-то важные для города права и привилегии еще до мезийского наместничества Плавтия

Сильвана, что и ознаменовалось принятием здесь в 56 или 57 гг. новой эры⁴⁴. И вполне возможно, что эти права действительно могли быть признаны и со стороны Фарзоя⁴⁵, скажем в том же 58 или 59 гг., когда над Тирой, пускай и номинально, мог быть установлен протекторат этого сарматского царя.

¹ Каришковський П.Й. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї (Про монети царів Фарзоя та Іненсімея, карбовані в Ольвії) // АП УРСР. – 1962. – Т.ХІ.

² Карышковский П.О. Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. – К., 1982. – С. 6-28.

³ Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. – К., 1982. – С.76, 77; Карышковский П.О. Монеты Ольвии. – К., 1988. – С. 115.

⁴ Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. – 1989. – №1. – С. 74; Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. – СПб., 1994. – С.213; Щукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время // SP. – 2011. – №4. – С. 169, 170, рис. 2, П).

⁵ Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. – 1994. – №2. – С.168, прим.98.

⁶ Агульников С.М., Бубулич В.Г. Антропоморфная стела с сарматским знаком из окрестностей п. Тараклия // ССПК. Т. XV. – Запоріжжя, 2009. – С. 3–5.

⁷ Agulnicov S., Bubulici V. Tumul sarmatic din sec. I P. CHR. De la lângă satul Cazacia // THRACO-DACICA. – 1999. – Т.ХХ, №1–2. – Р. 293.

⁸ Агульников С.М., Бубулич В.Г. Сарматский курган I в.н.э. у с. Казаклия // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье, 1999. – С. 10-15; Агульников С., Бубулич В. Сарматская стела с тамгой из окрестностей п. Тараклия // Тураgetia. – 2010. – Vol. IV [XIX]. – nr.1. – С. 207.

⁹ Карышковський П.О. Ольвия и Рим... – С.23; Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. – Одесса, 2003. – С.97-100; Агульников С.М., Бубулич В.Г. Антропоморфная стела... – С. 4.

¹⁰ Дзиговский А.Н. О юго-западной границе царства Фарзоя // Матеріали міжнародної наукової конференції «Сарматія від Алтаю до Дунаю» (до 30-річчя відкриття «царських» поховань біля с. Пороги Ямпільського р-ну). – Вінниця, 2014. – С. 12–13.

¹¹ Драчук В.С. Стела со знаками из Теребовельщины // СА. – 1957. – №2. – С. 343-344.

¹² Щукин М.Б. Сарматы на землях... – С. 74.

¹³ Bulatovich S., Samoilova T. New date on relationships between the ancient greek polis of the north-western Black Sea littoral (Tiras-Olbia) // BAR International Series

2240. – Oxford, 2011. – S. 24; Карышковский П.О. Ольвия и Рим... – С. 13; Монеты Ольвии. – С. 111.
- ¹⁴ Карышковский П.О. Ольвия и Рим... – С. 14-15, Табл.1; 17, Табл.2.
- ¹⁵ Дзиговский А.Н. Очерки... – С. 90, Рис.18; 91.
- ¹⁶ Алексеев В.П. Монеты царя Фарзоя из Тиры // SP. – 2000. – №6. – С. 174-177; Карышковский П.О. Ольвия и Рим... – С. 14-15, Табл.1; 15,16; 17, Табл.2.
- ¹⁷ Карышковский П.О. О монетах... – С. 77; Ольвия и Рим... – С. 16.
- ¹⁸ Сапрыкин С.Ю. Тира и фракийские цари // Археология. – 1997. – №4. – С. 54, 55; Алексеев В.П. Монеты... – С. 177; Bulatovich S., Samoilova T. New date... – P. 24; Носова Л.В. Тира середины I в.н.э.: политическая история по данным нумизматики // SP. – 2014. – №6. – С. 323.
- ¹⁹ Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. – К., 1991. – С. 86.
- ²⁰ См. об этом Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 166–167.
- ²¹ Дзиговский А.Н. Очерки... – С. 96-97, 98.
- ²² Златковская Т.Д. Мезия в I и II веках нашей эры (к истории Нижнего Дуная в римское время). – М., 1951. – С. 51; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – К., 1985. – С. 84.
- ²³ Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 165, 166.
- ²⁴ Златковская Т.Д. Мезия... – С. 58, 59; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город... – С. 91.
- ²⁵ Воронятов С.В. Локализация бастарнов и некоторые другие проблемы элогия Плавтия Сильвана Элиана // АСГЭ. – 2013. – №39. – С. 151, 152.
- ²⁶ Bichir G. 1996. Date noi cu privire la patrunderea sarmaților în teritoriul geto-dacic (II) // SCIVA. – 1996. – №3. – Т. 47. – P. 302, 303, 304.
- ²⁷ Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 166.
- ²⁸ Дзиговский А.Н. Очерки... – С. 96-97, 98.
- ²⁹ Шукин М.Б. На рубеже эр... – С. 216; Воронятов С.В. Локализация бастарнов... – С. 152-154, 158.
- ³⁰ Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 166; Воронятов С.В. Локализация бастарнов... – С. 157.
- ³¹ Dessau 1892: 214-215, 986; Кудрявцев О.В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. – М., 1957. – С. 174, прим. 22;
- ³² Карышковский П.И. З історії... – С. 121.
- ³³ Карышковский П.О. О монетах... – С. 73, 74; Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы... – С. 86; Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 168.
- ³⁴ Карышковский П.О. Ольвия и Рим... – С. 14, 15, Табл. 1; 22; Дзиговский А.Н. Очерки... – С. 90, Рис. 18; 91.
- ³⁵ Беккер П.В. Гражданский быт тиритов при римских императорах. – Одесса, 1849. – С. 18; Карышковский П.О. Из истории Тиры в I-II вв. н.э. // МАСП. – 1971. – Вып. 7. – С. 153, 154, прим. 20.
- ³⁶ Сапрыкин С.Ю. Тира и фракийские цари. – С. 53.
- ³⁷ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – С. 90-95.

³⁸ Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. – К., 1977. – С. 10; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – С. 91; Воронятов С.В. Локализация бастарнов... – С. 149

³⁹ Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 166, см. библиогр. прим. 80.

⁴⁰ Щукин М.Б. Две реплики: о Фарзое и надписи из Мангупа, о царе Артавазде и погребении в Косике // ВДИ. – 1995. – №4. – С. 177.

⁴¹ Карышковский П.О. Из истории Тиры... – С. 155; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – С. 91.

⁴² Карышковский П.О. О монетах... – С. 73.

⁴³ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – С. 92.

⁴⁴ Сон Н.А. Тира римского времени. – К., 1993. – С. 26, 27, 28.

⁴⁵ Сапрыкин С.Ю. Тира и фракийские цари. – С. 54.

А. О. Добролюбский (Одесса)

НАХОДКА СКАРАБЕЯ ИЗ ГЕМАТИТА НА ОДЕССКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

В последние годы (2013–2015) были проведены поисковые археологические осмотры и обследования мыса и пляжа Ланжерон в районе дельфинария «Немо», его набережной, и других увеселительных заведений. Это делалось с целью выявить, собрать и, по возможности, зафиксировать имевшиеся здесь археологические остатки перед их окончательным уничтожением строительными работами¹. Выяснилось, что здесь в «доодесские» времена существовали, как минимум, два достаточно крупных поселения – античное и турецкое, «хаджибейское» (вторая половина XVIII в.).

Также удалось установить, что вся керамика античного времени, найденная в песке Ланжероновского пляжа, была привезена вместе с этим песком в 2007 г. с Одесской банки или отмели². Это означало, что на отмели, которая в античные времена возвышалась над уровнем моря и представляла собой продолжение нынешней Кинбурнской косы³, было античное поселение. Это поселение располагалось на тогдашней оконечности этой косы, напротив нынешнего Одесского залива.

Из находок античной эпохи выделяется хорошо сохранившаяся петлевидная ручка и часть тулова чернолакового древнегреческого килика. Изделие убедительно датируется серединой VI в. до н.э. (рис.1). А остатки керамики V–III вв. до н.э. – амфор и кухонной посуды – насчитываются десятками. Имеются также несколько выразительных фрагментов сосудов римского времени, т.е. первых веков н.э. Сказанное означает, что поселение «Отмель», как и поселение на самом Ланжероне, синхронны поселению на Приморском бульваре, т.е. городу Борисфену⁴. Они, таким образом, являются его